

Пол Энгл, один из старейших поэтов Америки, в 1988 году пригласил меня на свою писательскую программу в маленьком студенческом городке Айова-сити. Он собирал поэтов из тридцати стран в своем доме, сажал на огромный садовый стол, обнимал каждого, с каждым хотел поговорить.

Я говорю о нем в прошедшем времени, ибо четыре года назад он умер мгновенной смертью в аэропорту О'Хара в Чикаго перед отлетом в Англию, зайдя выпить стаканчик пива перед посадкой. Друзья отвезли меня на кладбище. На камне, под которым лежал Пол Энгл, было начертано: «Здесь лежит самый счастливый мужчина». Было ему 82, и до самых последних дней он вел очень активную жизнь: путешествовал, писал, пил, сводил людей, практически никогда не болел. Перед отлетом врачи осматривали его и сказали, что он здоров и может лететь хоть куда... Есть только одна неразгаданная загадка для всех: его отец и его родной брат умерли точно такой же смертью — в разное время, но в одном и том же аэропорту О'Хара в Чикаго.

Когда я прилетал в Айовский университет и бывал у него дома, он всегда набрасывался на меня с расспросами: «Ну как там Россия? Я ведь был в Ленинграде и в Москве. Пятьдесят лет назад, это было свадебное путешествие, я только что окончил Гарвард. Я мечтаю снова побывать в России», — шумел он.

Обычно он набивал большой стакан льдом, потом заливал его виски и протягивал мне. Затем такой же готовил себе, садился напротив и спрашивал: «Александр, ну ты можешь мне объяснить, что такое Россия, а?» Я отшучивался, говоря, что умы и покруче не справились с этим вопросом, но он, улыбаясь, издевался надо мной: «Да что же ты за поэт, черт побери, если не можешь разобраться в собственной стране?» Я опять уходил от ответа, спрашивал его о загадках Америки, а он так просто мне все про нее объяснял, что я смеялся и говорил: «Нет, у нас все сложнее...» «Но почему? — не унимался он. — Ведь человек одинаков повсюду — одно сердце, два глаза, и хочет выпить, если он мужчина, да еще кое-что».

Однажды он объяснил мне причину своего интереса к «русскому вопросу». Он окончил Гарвард и женился на немке, высокой блондинке с прекрасной фигурой, любящей светлые платья и высокие каблуки. Это было в начале тридцатых, они взяли тур для посещения Ленинграда и Москвы. Когда они сели в поезд в Ленинграде, к ним в купе подсадили несколько офицеров Красной армии. Молодые капитаны. Поезд тронулся, и, немного пообщавшись, попутчики начали кое-как разговаривать. Жена Энгла немного знала русский и рассказывала капитанам, кто они и откуда, что они молодожены.

Наступил вечер, и надо было ложиться спать. Молодые капитаны вышли из купе, и один из них, видимо старший, сказал чете, что те могут располагаться одни, а они будут стоять всю ночь в тамбуре, чтобы не помешать, возможно, первой брачной ночи в новой романтической стране. В ходе долгих отказов ни Полу, ни его жене не удалось убедить офицеров, что этого не следует делать.

Проснулись они около шести утра и пригласили капитанов к чаю. На одной из оставшихся старший офицер куда-то слетал и вошел в купе с букетом полевых цветов и с яблоками, которые горой высыпал на стол перед немкой.

«Путешествие начиналось сказочно, — рассказывал мне Пол Энгл, — я уничтожал внутри все ужасы, которые слышал дома о России. Вот она — страна великого народа!

Александр, ты бы видел голубые глаза капитана, который подарил моей жене полевые цветы и яблоки, ты бы видел! Я этого никогда не забуду. Вот это и есть Россия, думал я...»

Дальше началось то, что привело моего старого друга в вечное замешательство, к вечной муке, к вечному вопросу: так что же все-таки такое, эта твоя, Александр, Россия?..

Примерно часа за три до Москвы поезд вдруг остановился прямо посреди большого зеленого поля. Через некоторое время в вагон поднялись несколько человек в штатском. Они прямоком прошли в купе к молодоженам из Америки, гонявшим чай с красноармейцами. Войдя в купе, сразу заявили: «У нас есть сведения, что в поезде, в вашем вагоне, в частности в вашем купе, едет американский шпион с донесениями в Москву».

Начался обыск. Были обысканы все, в том числе красноармейские офицеры. Ничего не нашли, затем выгнали из купе всех мужчин и обыскали сногшибательную молодую жену. Опять ничего не нашли.

Он пришел с огромной лупой. Молодую жену опять поставили в позу, и учитель стал исследовать иностранные слова. Изучал он недолго и вдруг разразился громким довольным смехом. Гэбэшники кинулись к нему: мол, что? «Да это же отпечатки мокрой газеты «Правда», буквы наоборот, вероятно, она села...» До Москвы ехали молча. Все. И армейские офицеры, и Пол Энгл со своей женой.

Заложил, видимо, проводник. «Так вот скажи мне, Александр, что же все-таки эта твоя Россия?» Я отшучивался, говорил ему, что вот приедешь — увидишь новую Россию.

И он действительно приехал, правда, уже со своей новой женой Холин, прекрасной китайкой, писательницей.

От Питера они доехали благополучно. Я в то время лежал в больнице, и, узнав об этом, они решили навестить меня. Это был уже 1991 год. Я лежал в больнице издательства «Правда». Когда они пришли ко мне, переполох был сумасшедший. В палату ко мне их не пустили. Главный врач недоволю сооб-

пиджаке, с шарфиком. Над левым глазом развевалась накладка для стерильности, а на ногах были простые советские кеды за 4 рубля 15 копеек — для удобства. Впечатление он производил, конечно же, не выпускника Гарварда и директора крупнейшей писательской программы и поэтому был задержан милицией. На всякий случай. Отпустили быстро, но он воспринял это как арест. И при расставании спросил меня с печальными глазами: «Александр, что же такое Россия? Ведь я пятьдесят лет здесь не был, и почти ничего не изменилось».

Сюжет для нового О. Генри Почти святочная история с участием реальных героев

Мой друг Игорек в 1985 году был выброшен из Москвы. И не куда-нибудь, а в Нью-Йорк. Преступление его состояло в том, что он женился на американке. Встретились в Москве, пожил некоторое время вместе. Она уеха-

О нем часто шутят: лучший поэт среди футболистов и лучший футболист среди поэтов.

Александр Ткаченко действительно был профессиональным футболистом: сначала в родном Симферополе играл за «Таврию», потом — в московском «Локомотиве».

А закончив играть, стал профессиональным литератором. Помимо собственных стихов и прозы занимался переводом американской поэзии. Много ездил в Соединенные Штаты и даже преподавал там в одном из университетов современную русскую литературу. Вот что о нем писала «Чикаго трибьюн» (29 октября 1999 г.): «Перед нами сидел Александр Ткаченко, пластика движений которого когда-то заставляла повиноваться тысячи людей на стадионах, и что ему сейчас нелицеприятные слова кого-то из литературных критиков».

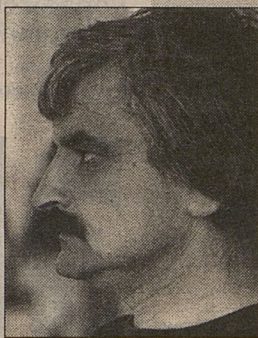
Спортивные, бойцовские качества очень пригодились Ткаченко в «штатской» жизни — и когда он был главным редактором «Новой юности» (издавать литературный журнал в условиях дикого капитализма — занятие не для робких), и сейчас — на посту генерального директора Русского пен-центра, по сути дела правозащитной, хотя и писательской, организации.

Ну а самое главное: несмотря на отсутствие прежнего общественного интереса к литературе, он продолжает много писать — пускай «не требует поэта к священной жертве» стадион.

Отдел культуры

P.S. В конце прошлого года в Крыму в издательстве «Таврия» вышла новая книга прозы Ткаченко «Левый полусладкий». Рассказы, вошедшие в нее, напоминают короткометражные фильмы.

И те два рассказа, которые мы сегодня публикуем, — тоже, по сути дела, кино, причем документальное.

Александр ТКАЧЕНКО

УМОМ НАС НЕ ПОНЯТЬ. ЭТО ТОЧНО

Рисунок С. АРХАНЧОВА

Вдруг один из гэбэшников смекнул и приказал немке, чтобы она повернулась к ним задом, подняв руки вверх и положив их на верхнюю полку. «Вот оно, то самое», — воскликнул гэбэшник и показал пальцем на самую фигуристую часть жены Энгла, где на белом полотно платья черным были четко отпечатаны иностранные слова. Все пришли в ужас. Потирали руки только люди с одинаковыми лицами и в одинаковых костюмах. Читать не по-русски из них никто не умел. Поэтому, несмотря на большую задержку поезда, послали одного из них в соседнюю деревню за школьным учителем английского язы-

чила мне, мол, ходят тут всякие... Наконец, после уговоров и переговоров нам разрешили пообщаться в ленинской комнате. Главврач начала встречу и тут же закончила ее, сказав, что у нас есть только минута. Мы говорили в присутствии жестко поглядывающего на нас портрета Ильича. Бедный Пол, он смотрел на меня с жалостью, я же чувствовал себя униженным.

Через неделю я выписался и показал ему кое-что в Москве. Он, кажется, был доволен. Но дело так просто не кончилось. Все это время у него был жуткий конъюнктивит и слегка мучила подагра. Была теплая осень, и он ходил в твидовом

ла в Америку, где узнала, что беременна. Когда настал срок рожать, она сообщила имя отца — своего мужа — и его местопребывание. Тут же Игорек был подобран органами в Москве, ему объяснили, что муж при родах американской жены должен присутствовать лично.

И вот с одним чрезвычайным пустым чемоданчиком он очутился в Манхэттене. Шесть месяцев совместной жизни показали полную бесперспективность их брака. Американка выгнала его из своего роскошного дома. Игорь любит свою дочь, навещает ее, но американская жена...

Однако дело не в этом. Он остался один — без языка, без друзей, даже без «грин карт» — в Америке. Назад дороги нет, вперед — только через приключения. И пустился во все американские тяжкие — «хоумлес пипл», то есть бездомные, стали для него родней; поезда, вернее их крыши, — средством передвижения, теплый канализационный люк — родным домом. Чужой английский он подобрал на улице грязным, очистил его и быстро на нем заговорил. Куда только Игорь не залетал, куда его только не бросало. Он с достоинством и благородством прошел через страдания и лишения.

Примерно через полгода его скитаний и божжевания к нему примкнул такой же бедолага, только американец, который сказал, что слышал о нем много хорошего и что хочет разделить его судьбу до конца. «Ви а зе сейм (мы одинаковые)», — сказал он Игорю и лег рядом с ним на тротуар Лестингтон-авеню. Работа не находилась, случайные заработки давали ребятам только одежку в «гуд» виллах и полхлебу в пивных ресторанах — если пьешь пиво за доллар, то ешь бесплатно сколько захочешь, но — пока не засекут. В общем, вместе было пройдено столько дорог, столько испытаний, что Игорек на самом деле стал понимать, что это значит: «ви а зе сейм», и на его глаза навертывались слезы.

Наступили холода. В Айова-сити друзья нашли дырявую палатку, разбили ее на окраине городка и поселились в ней. Голодали по несколько дней на пару, потом что-то находили, в свободное от этого время писали письма с просьбами о работе и рассылали их по различным адресам. Ответов не было. Подступал край, жить не хоте-

лось. И Игорь решил умереть. Его решение поддержал друг: кончать счеты с жизнью — так вместе. Каким способом? Да очень просто! Денег оставалось на несколько батончиков хлеба и несколько пачек томатного сока. Съесть хлеб, выпить сок — и терпеливо ждать смерти.

Но перед смертью Игорь решил почитать любимого Достоевского. Он взял в библиотеке несколько томов (слава богу, там и «хоумлес пипл» имеет доступ в библиотеки) и решил: буду читать Достоевского и есть хлеб, запивая соком, а когда все кончится — умру медленной смертью. Аналогично поступил и американец. Только он взял Достоевского на английский.

И залегли они в палатке... И начали медленно умирать посреди Среднего Запада, великолепия американской зимы и блистательных магазинов. И не потому, что в Америке жизнь плоха, а просто потому, что так выпала фишка, потому что так сложилось, и дальше некуда...

Когда сил уже почти не было, пришли соседские «хоумлесы» и сказали, что какого-то Игоря просят к телефону в библиотеке. Это был Франк Миллер, славист, который всем, чем только мог, помогал русским. Он сказал ослабевшему Игорю, чтобы тот ехал автобусом в Колорадо, в Денвер, там он договорился, что его возьмут работать официантом в русский ресторан. Деньги на билет он уже выслал. Вот так было. И Игорь был спасен.

Когда он прощался со своим американским корешем, божжевавшим с ним, то сказал ему: «Потерпи немного, я тебя найду, только не умирай...» Американец удивленно посмотрел на него и сказал: «Игорь, да мы и не умерли бы с тобой, я ждал самого критического момента. У меня же в банке лежат 300 тысяч долларов».

И они расстались. Игорь сейчас в полном порядке. Он — американский гражданин. Окончил американский университет. Сейчас работает переводчиком в НАСА и уже дважды по делам службы прилетал в Москву. Я уважаю и люблю его, Игоря Савельева.